

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Кража

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547195

Аннотация

«С не совсем обыкновенным человеком свела меня судьба здесь, в Париже, года три назад. Звали его Петром Николаевичем Бровцыным.

На всемирную войну Петр Николаевич пошел в четырнадцатом году, будучи уже немолодым врачом. Последовательно он прошел довольно значительный служебный стаж. Был сначала младшим полковым врачом, потом старшим, потом дивизионным и, наконец, корпусным врачом. В эту ужасную войну бои и тиф косили докторов не менее, чем солдат и офицеров...»

Александр Иванович Куприн Кража

К. Н. Кривошейку

С не совсем обыкновенным человеком свела меня судьба здесь, в Париже, года три назад. Звали его Петром Николаевичем Бровцыным.

На всемирную войну Петр Николаевич пошел в четырнадцатом году, будучи уже немолодым врачом. Последовательно он прошел довольно значительный служебный стаж. Был сначала младшим полковым врачом, потом старшим, потом дивизионным и, наконец, корпусным врачом. В эту ужасную войну бои и тиф косили докторов не менее, чем солдат и офицеров.

Но вот высыпали по здоровому телу России красные гнойные прыщи большевизма, началось дезертирство, пошли митинги, раздался нелепый девиз:

«Попили нашей кровушки – будя». Заключен был в Бресте похабный договор: «Воевать не будем, а мира не признаём»... Вся в стыде, позоре и крови русская армия торопливо разлагалась, и сама Россия потеряла лик и имя.

Тогда возникло белое движение... Доктор Бровцын – очень хороший врач, но, вероятно, в ту пору воин и патри-

от превозмогли в его душе целителя, костоправа и составителя растерзанных членов человеческих. Бровцын записался рядовым стрелком в тот отряд, который тогда формировался вблизи Пскова, на Талабских островах, и который потом развернулся в славный Талабский полк. В этом полку Бровцын и прослужил стрелком – от его возникновения до его разоружения в Эстонии...

Петр Николаевич обладал редким даром – зорко видеть и внимательно слышать, а видел и слышал он очень многое и передавал свои впечатления с той резкой простотой, которая делает рассказ достоверным и выпуклым.

В то время, в девятнадцатом году, после неудачи у «Красной Горки», Юденич, потеряв надежду на выступление Финляндии, приехал со своим штабом в Нарву, чтобы лично руководить действиями Северо-Западной армии. Положение ее было и тяжелое, и запутанное. С одной стороны, Юденич находился в полной зависимости от союзников, которые, при малейшем расхождении с ним во взглядах, грозили прекратить снабжение; с другой стороны, он, как и армия, всецело зависел от эстонцев, озлобленных тем, что русское правительство, имени Колчака, не желало признавать их независимости. Наконец, в самой армии Юденич, как совсем ей чужой, не пользовался никаким авторитетом, а известно, что психологическое, привычное влияние играет в добровольческой армии гораздо более решающую роль, чем в войсках регулярной армии. Юденич же принял заочное благослове-

ние Колчака на дистанции в две тысячи верст.

Снабжение армии было самое плачевное. О теплой пище давно не было помина. Единственно, что выдавалось, это – два фунта американского белого хлеба и полфунта американского сала. Жалованье не было выдано за два или три месяца. Можно ли удивляться тому, что при таких обстоятельствах армия, перешедшая к позиционной войне, начала добывать себе необходимое на местах, чем, понятно, возбудила против себя неприязненные чувства населения, еще недавно встречавшего белую армию восторженно, как избавительницу от большевиков.

Снабжение, обещанное давным-давно англичанами, все не прибывало, и настроение падало. Английский генерал Марч передает в ультимативной форме приказание Юденичу о формировании в Ревеле Северо-Западного русского правительства, причем был дан список лиц, обязанных войти в состав этого правительства, и, кстати, между ними имя Николая Иванова. Была в этом приказании и угроза: «Если это правительство не будет сформировано в течение сорока минут, то всякая поддержка русской армии будет немедленно прекращена».

Ах! попадала ли когда-нибудь дружественная армия в такие жестокие, злые и оскорбительные тиски?

Переломным событием можно считать появление в Нарве первых эшелонов ливенцев, принадлежавших к той добровольческой дивизии, которую сформировал в Либаве свет-

лейший князь А. П. Ливен.

Необычна и, пожалуй, даже трогательна была история создания Ливенской дивизии.

После Бреста генерал фон дер Гольц решил снять оккупацию Прибалтики: не так для него была опасна борьба с большевиками, как моральное разращение его немецких солдат – следствие пресловутых братаний, проигранной войны и долгого безделья в чужом крае. Он был не из тех исторических германских политиков, которые готовы были бы впустить в свою страну большевиков, чтобы заразить ее, заразить всю Европу и после того овладеть ею. Фон дер Гольц знал, что победа над большевиками возвратит жизнь России, а вместе с тем расчистит путь к примирению держав. Поэтому-то он не только не препятствовал князю Ливену формировать и обучать белые отряды, но даже оказывал ему всевозможную помощь и дал русским солдатам самое отличное снаряжение.

Появление первых ливенцев в Нарве произвело удивление, восторг, переполох: в чьих-то записках я читал, что даже – зависть. Я думаю, что у солдат это чувство было совсем другого цвета, вроде того что:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.